

эту краткую, но страшную минуту, она убѣждается, что жизнь, которая представлялась ей постылой, все еще для нея дорога.

Со страшнымъ усиліемъ она поднимается на ноги. Ослѣпленная снѣгомъ, оглушенная вѣтромъ, сквозь мятель и вьюгу, съ трудомъ добирается она до дому, и наконецъ, все-таки попадаетъ подъ его сохранный кровъ.

Служанка сначала не узнаетъ ее, до того она занесена снѣгомъ, но Белинда не обращаетъ вниманія на ея удивленные восклицанія. Быть можетъ, она настолько оглушена бурей, что даже и не слышитъ ихъ.

Въ полу-безсознательномъ состояніи поднимается она по лѣстницѣ въ спальную. Газъ все такъ же ярко горитъ въ ней, какъ и въ тотъ моментъ, какъ она уходила изъ нея; служанка, наконецъ, растопила каминъ.

Ее приводитъ въ чувство голосъ, кричащій съ низу:

— Белинда! Белинда!

Это мужъ зоветъ ее. Пусть зоветъ!

Голосъ кричитъ громче и настоятельнѣе:

— Белинда! Белинда!

Но вѣдь это голосъ человѣка, который всю жизнь будетъ звать ее Белиндой, и развѣ не сама она дала ему право звать ее Белиндой, приказывать Белиндѣ, бранить Белинду и... хуже всего... ласкать Белинду? Къ чему же бессмысленно, безцѣльно возмущаться? Она поспѣшно отряхаетъ снѣгъ съ платья, перемѣняетъ мокрые башмаки, приглаживаетъ сырые волосы, и приличная и степенная, сходитъ внизъ, — приличная и степенная по вѣншности, для тѣхъ, кто не видитъ ея внутренняго волненія и безумнаго блеска въ глазахъ.

Она находитъ своего супруга въ той же позѣ. Ей кажется, что онъ былъ бы для нея менѣе непріятенъ, еслибы онъ перемѣнилъ хоть сколько-нибудь свое положеніе. Но нѣтъ! онъ такъ же закутанъ и согбенъ надъ каминомъ.

— Я много разъ звалъ, — говоритъ онъ съ довольно понятнымъ раздраженіемъ, — неужели вы не слышали меня?

Она не отвѣчаетъ, потому что все еще не можетъ справиться съ собой.

— Гдѣ вы были? что вы дѣлали?

— Я уходила изъ дому.

— Изъ дому? вы должно быть съ ума сошли?

— Я сама иногда такъ думаю, — спокойно отвѣчаетъ она, глядя прямо ему въ лицо.

— А можно спросить, — продолжаетъ онъ саркастически, —